

Сыромля Наталья Николаевна
кандидат филологических наук
доцент
Киевский национальный университет
технологий и дизайна
Украина, г. Киев
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

Syromlya Nataliia Nikolajevna
Associate professor, PhD
Kiev National University of
technologies and design
Ukraine, Kiev
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

Н.Н. Сыромля
**СИМВОЛИКА СОЛНЦА И ДОЖДЯ В ДЕТСКОЙ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

Аннотация. В статье анализируются значения славянских символов «Солнце» и «Дождь» на материале поэтических текстов детских русскоязычных журналов. В ходе исследования выявлено отсутствие негативно окрашенной символики символов «Дождь» и «Солнце» и экспликация ассоциативных связей с человеческим существом, целебной силой, поведением, свойственным ребенку и др., что обусловлено возрастными особенностями целевой аудитории детского журнала.

Ключевые слова: символ «Дождь», символ «Солнце», детский журнал, традиционная символика, авторская символика, лингвокультурология

N.N. Syromlya
**SYMBOLIC MEANINGS OF THE SUN AND RAIN IN CHILDREN'S
RUSSIAN LANGUAGE POETRY**

Abstract. The paper analyses the semantics of traditional Slavic symbols "Sun" and "Rain" on the material of poetic texts of the Russian language children's magazines. Traditional and author's symbolic meanings of the symbols are studied from linguistic point of view, linguoculturological approach is in priority. To define these symbolic semantics mythological level and archetypes are analysed. As studies prove some "negative" meanings are not expressed in children's poetry, associative bounds with a human being, different types of behaviour and so on are emphasised in the texts.

Keywords: symbol "Rain", symbol "Sun", children's magazine, Russian language, traditional and author's symbolic meanings, linguoculturology

Изучение функционирования символов в детских поэтических текстах представляет интерес для лингвистики в связи с транслируемой ими культурной информацией: «символы наряду с метафорами и фразеологизмами – ценнейший источник сведений о

культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи» [6, с. 4].

В работах К.Г. Юнга отмечается, что символы – устойчивые мотивы культуры и индивидуального сознания, представители коллективного сознания, формирование которого уходит корнями в филогенез. Природа символа – соединение сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, мысли и чувства, восприятия и интуиции – обуславливает суггестию текста [11].

При сопоставительном анализе текстов стихотворений со «Словарем славянской мифологии» были выявлены символы: солнце, ветер, вода, дерево, день и ночь, дождь, заря, земля, звезды, зима, луна, море, небо, облака, огонь, т.к. по мнению знатока русских обрядов и пословиц И.Н. Снегирева, славянское язычество – это обожествление стихий [1, с. 8].

Проанализируем значения символа «Солнце» как одного из наиболее частотных.

Согласно «Словарю славянской мифологии» Грушко Е.А., Медведева Ю. М., «Солнце, месяц и звезды были первыми божествами древних славян... Как светило вечно чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце почиталось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом счастья...» [1]: *«Колокол дремавший Разбудил поля, Улыбнулась солнцу сонная земля»* (С. Есенин «Пасхальный благовест») (все примеры из поэтических текстов имеют ссылку: Журнал «Познайка» <http://posnayko.com.ua/ru/reader/knizhnaya-polka/> [2]).

Наиболее полно славянская символика солнца выражена в стихотворении Т. Маршаловой «Еще лето!»: *«В голубую реченьку Солнце окунулось, К солнышку горячему Небо потянулось. Белыми лебедками Облака поплыли, Царскими коронами Солнца блики были»*. В приведенных строках содержится информация мифологического и энциклопедического характера, помогающая ориентироваться в окружающем нас природном пространстве: солнце греет, находится на небе, по форме – круглое (*«Покатилось солнышко Да за лес-лесок»*), оно отражается в воде, его яркий свет могут закрывать

облака: *«Блики солнца ясного В речке растворились, Белые лебедушки В небо воротились. Покатилось солнышко Да за лес-лесок. Удержи нам ведрышко, Золотой рожок».*

По мнению ученых, компоненты ассоциативно-семантических полей используются в детской литературе и фольклоре для наиболее эффективного усвоения информации об окружающем мире [3, с. 41]: *«Отчего так много света? Отчего вдруг так тепло? Оттого, что это лето на все лето к нам пришло. Оттого и каждый день все длиннее, что ни день. Ну, а ночи, ночь от ночи все короче и короче»* (И. Мазнин). В данном случае отметим, что на языковом уровне с помощью использования омонимов воссоздается основной вид деятельности ребенка – игра, в процессе которой и происходит реализация основных функций детской периодики – воспитание, обучение и развлечение.

Экспликация образного восприятия сияния солнечных лучей как царской короны (*«Царскими коронами Солнца блики были»*) транслирует информацию об особом почитании светила нашими предками. В восточнославянской культуре солнце – «символ красоты, любви, веселья. А.А. Потехня слово «хорощь» считает притяжательным от слова «хрьсь» (солнце)» [6, с. 98].

Отметим, что символика солнца раскрывается в стихотворении Т. Маршаловой с помощью образа «облаков-лебедушек»: *«Белыми лебедками Облака поплыли... Белые лебедушки В небо воротились».* В славянских народных сказаниях «говорится о существах особой красоты и вещей силы, которые первоначально олицетворяли весенние дождевые облака, – лебединых девах», которые позже становятся обитательницами земных вод и рождаются с русалками. «Лебединым девам под силу самые трудные, сверхъестественные задачи, они заставляют подчиниться себе саму природу» [1, с. 176], в «Словаре» отмечается, что имя «лебедь», употребляемое в народной речи чаще в женском роде, «означает белая (светлая, блестящая), это значение впоследствии подкрепляется в народной поэзии постоянным эпитетом: белая лебедь» [там же].

В исследовании, посвященном трансформации значений первокожня слова «лебедь», У. А. Карпенко пишет, что лебедь – древнее славянское слово, современная форма которого развилась в

результате преобразования праславянского *elbĕdъ «лебедь» – белая птица (произошла перестановка начальных звуков *el > лё). Автор доказывает происхождение от одного корня таких слов, как *Эльба, альбом, олово, ольха, яблоко, апельсин, альбатрос* [5, с. 76–77] – так, первокорень *elb-, (*alb-), транслирующий смысл белого цвета, трансформировался в значениях, называющих воду, реку, птиц: «первокорень транслирует первородный смысл, заложенный в момент номинации семой, актуализированной в его внутренней форме», в чем выражается константность и универсальность первокорня [там же, с. 78].

Анализируя славянскую «модель мира», В. Н. Топоров и В. В. Иванов отмечают, что мир описывается системой двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), которые определяют пространственные, временные, социальные и другие его характеристики: огонь – влага, верх – низ, север – юг, и т.д. [4, с. 5–15]. В исследованиях В. В. Иванова и В. Н. Топорова отмечается, что для славянской языковой картины мира характерна традиционная «положительность» первого члена оппозиции. В анализируемом материале выявлено переосмысление в сторону положительной коннотации второго «отрицательного» члена оппозиции: **солнце** – **луна** – «*В голубую реченьку солнце окунулось... Удержи нам ведрышко, Золотой рожок*»; **огонь** – **вода** – «*В голубую реченьку Солнце окунулось, К солнышку горячему Небо потянулось*». В данных контекстах мелиоративность вторых компонентов «луна» и «вода» эксплицирована использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов -ок, -еньк и фольклорным наименованием луны «золотой рожок», в котором близость, родственность, идентичность восприятия в народном сознании ночного светила и солнца выражена с помощью эпитета «золотой», часто употребляемого с лексемой «солнце». По мнению исследователей, именно деминутивам принадлежит важная роль в создании экспрессивного эффекта в детском фольклоре и литературе, т.к. ласковое отношение к ребенку распространяется на все, что его окружает [3, с. 31].

Обратим внимание на то, что символ по природе своей амбивалентен (Э. Фромм, К. Юнг), однако в проанализированных текстах эксплицируется абсолютная «положительность» символа

«Солнце», что является отличительной особенностью славянского мифологического мировосприятия: *«Щедрым быть и добрым к людям Я у солнышка учусь»* (Николай Зидаров «Я и солнышко – друзья») [3]. Так, наблюдается обилие лексем с «положительной» семой архетипического содержания «свет» (*белый, блики, облака, ясный, лебедь, золотой*), наименование солнца титулом с атрибутом высшей власти (*царская корона*), использование уменьшительно-ласкательных форм в контекстах (*реченька, солнышко, лебедушка, лес-лесок, лучик златогривый*), с помощью которых формируется в ребенке доброжелательное отношение к окружающему миру [3, с. 31].

Остановимся на выявлении культурного фона, эксплицируемого с помощью символа «Дождь» в поэзии современного детского журнала.

Символика такого природного явления, как дождь, занимает одно из важных мест в славянской «модели мира» (основанной на бинарных оппозициях), т.к. соотносится с архетипами «огонь–влага», «верх–низ» и др., определяющими пространственные и стихийные характеристики мира [4, с. 5–15].

Дождь в народной традиции – объект почитания и магического воздействия (вызывания или остановки); связанные с ним верования и обряды сохраняют древнеславянские космологические представления и формы примитивной магии, дождь символизирует оплодотворяющую силу и ассоциируется с мотивом иерогамии неба и земли [9, с. 106]. Данный мотив выражен в строках стихотворения Аполлона Майкова «Летний дождь»: *«Золото, золото падает с неба!» – дети кричат и бегут за дождем... – Полноте, дети, его мы сберем, Только сберем золотистым зерном В полных амбарах душистого хлеба!»* (А. Майков).

Магические ритуалы, исполняемые во время засухи или при затяжных дождях, обращены к трем стихиям – воде, огню и земле. С водой связаны «увлажняющие» действия, основанные на магии подобия (обливание, кропление водой, погружение в воду и т.п.), огню приписывается «осушающий» эффект (земной огонь, печь, печные орудия, продукты обжига способны остановить дождь), к земле обращены прежде всего искупительные ритуалы, призванные

восстановить ее почитание как материнского лона, оплодотворяемого небесной влагой [9, с. 107].

В стихотворении Агнии Барто «Ливень» эксплицирована связь дождя с мотивом земли, т.к. через полевые орудия земля получала магический контакт с водой [там же, с. 108]: «*Перестанет ливень лить – выйду землю порыхлить. Лужи высохнут в саду – я порядок наведу*» (А. Барто).

Наш народ чтит дождевую воду: «Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми головами, деревенский и городской люд становился под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя, пригоршнями набирал воду, чтобы вымыть лицо три раза; выносил чашки, собирая целебную влагу, и в крепко закупоренных бутылках сохранял ее круглый год, до нового такого же дождя» [1, с. 38]: «*Теплой солнечной весной На полянке на лесной, Приподняв слегка реснички, Пробудилась земляничка. Дождевой водой умылась, в изумруды нарядилась...*» (Г. Горовой «Красные щечки»).

В словаре «Славянские древности» отмечается, что власть над дождем «приписывается обитателям “того света» – умершим предкам и особенно “заложным» покойникам: висельникам и утопленникам, которые считаются хозяевами и предводителями туч – небесных стад коров, быков, волов...» [9, с. 106]. Указанные соотношения переосмысливаются в детской поэзии соответственно возрасту ребенка, тем фоновым знаниям, которыми он обладает и в зависимости от задачи – сформировать положительное отношение к миру, тем самым и мира – к ребенку. Духовная близость и постоянная связь ребенка и мамы – основное наполнение многих произведений для детей, через эти отношения объясняется и взаимосвязь природных явлений: «*Дождик тянется за Тучкой, Шепчет Тучке на ходу: “Мама, скучно, Мама, скучно! Мама! Можно я пойду?»*» (Рената Муха «Дождик»). С помощью игры слов в устойчивом выражении «дождь идет» в строках стихотворения усиливается олицетворение дождя в сторону антропоморфизма: дождь – ребенок своей мамы-тучи, он разговаривает и спрашивает разрешение у мамы на самостоятельное действие (что является одним из важнейших аспектов в воспитании детей дошкольного возраста – учить спрашивать разрешение на что-либо). Таким

образом, наблюдается отсутствие актуализация «отрицательно» окрашенного (мир умерших предков и «заложённых покойников») пласта значений символа «Дождь».

В проанализированных текстах выявлены два вида номинации дождя: имплицитная и эксплицитная.

Имплицитная номинация: «*Мокнет Голый клен Вдали, В лужах – Листья-корабли*» (С. Островский «Листья»); «*Но теперь пришла погода: осень, изморось, вода ... То-то чудо – Грязь и слякоть, Холод, ветер, мокрый снег. То-то радость – Вместе плакать, Мокнуть вместе – то-то смех!*» (И. Мазнин «Ходит дождь по переулку»); «*Солнце реже смеется, Нет в цветах благовонья. Скоро Осень проснется И заплачет спросонья*» (К. Бальмонт «Осень»).

Эксплицитная номинация: «*Огонечки теплятся, Прохожие крестятся, И пахнет весной. Ветерок удаленький, Дождик, дождик маленький, Не задуй огня*» (А. Блок «Вербочки»); «*На листве цветной Осени привет, Дождик затяжной Сылет свой ответ. Пруд покрылся весь нотками дождя, Пишет небо песнь, в Осень уходя*» (Т. Маршалова «Осени привет»); «*Хлещет ливень по кустам, Бьет без промаху!*», «*Ливень! Ливень! Льет, летит..., Ливень! Ливень! Летний ливень!*» (А. Барто). «*Ходит дождь по переулку И до самой темноты Приглашает на прогулку Сапоги, плащи, зонты*» (И. Мазнин «Ходит дождь по переулку»).

По мнению А. А. Потебни, символ эксплицируется с помощью слова, отражающего не все содержание понятия, а один из признаков, который представляется народному воззрению важнейшим [7, с. 285]. Остановимся на символических признаках, которые актуализируются с помощью ближайшего окружения лексемы «дождь». Компонентный анализ примеров с непрямой номинацией дождя позволил выявить наиболее частотную сема, выражающую его связь со стихией воды: *мокнет, в лужах, листья-корабли, изморось, вода, грязь и слякоть, мокрый снег, плакать, мокнуть, заплачет*; кроме того, в сознании ребенка закрепляется ассоциативная связь дождливой погоды с определенным временем года – осенью и ее погодными характеристиками.

Применение гештальтного анализа [10] позволило определить следующие ассоциативные связи, образуемые в сознании читателя с

помощью словосочетаний с лексемой «дождь»: в группе с прямой номинацией обращают на себя внимание многочисленные глаголы, характеризующие дождь как некое существо, активно действующее: дождь дышит – *не задууй*, имеет руки или что-то, чем можно сыпать – *сыплет*, он бывает агрессивен – *хлещет*, *бьет*, находится в жидком состоянии – *льется*, перемещается с помощью конечностей – *ходит*, дружелюбен – *приглашает* (на прогулку).

Таким образом, проведенный лингвокультурологический анализ символов «Солнце» и «Дождь» на материале текстов стихотворений, размещенных на страницах русскоязычного детского журнала «Познайка», позволяет сделать следующие выводы. Наблюдается абсолютная „положительность» символа «Солнце» как основное значение, характерное для славянской модели мира. Актуализация определенных фрагментов символики дождя (*человекоподобное существо, иногда имеющее статус ребенка, с дружелюбным или агрессивным (что свойственно ребенку) поведением; обладание целебной силой; выражение мотива иерогамии неба и земли*) обусловлена необходимостью формирования языковой личности ребенка на данном этапе его развития с учетом психофизического состояния и имеющихся у него фоновых знаний.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют об особой роли детской поэзии в процессе воспитания и образования ребенка, которая определяется ее педагогическим, нравственным и эстетическим потенциалом.

Библиографический список

1. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород : «Русский купец», «Братья славяне», 1995. – 368 с.
2. Журнал «Познайка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://posnayko.com.ua/reader/knizhnaya-polka/>
3. Зозуля Н. В. Роль экспрессивности русского детского фольклора в формировании языковой личности ребенка: дисс. к. филол. наук / Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова. – К., 2002. – 209 с.
4. Иванов В. В. Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период). М. : Наука, 1965. – 246 с.

5. Карпенко У. А. Трансформация значений первокорня слова «лебедь» // Система и структура східнослов'янських мов: зб. наук. праць / редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К.: Видавництво НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – вип. 5. – С.74–79.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / Слово и миф в народной культуре. – М., 1989. – С. 285–378.
8. Самусенко О. Н. Мифопоэтические истоки суггестии в русских телевизионных текстах: дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2004. – 231 с.
9. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / РАН. Т. 2. Д–К. – М., 1999. – 697 с.
10. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1996. – № 6. – С. 20–42.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с англ. – М.: Ренессанс, 1991. – 299 с.

References

1. Grushko E. A., Medvedev Ju. M. Slovar' slavjanskoj mifologii. – N. Novgorod : «Russkij kupets», «Brat'ja slavjane», 1995. – 368 s.
2. Zhurnal «Poznajka». [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa k resursu: <http://posnayko.com.ua/reader/knizhnaya-polka/>
3. Zozulja N. V. Rol' `ekspresivnosti russkogo detskogo fol'klora v formirovanii jazykovej lichnosti rebenka: diss. k. filol. nauk / Kiev, NPU im. M. P. Dragomanova. – K., 2002. – 209 s.
4. Ivanov V. V. Toporov V. N. Slavjanskije jazykovye modelirujuschie semioticheskie sistemy: (Drevnij period). M. : Nauka, 1965. – 246 s.
5. Karpenko U. A. Transformatsija znachenij pervokornja slova «lebed'» // Sistema i struktura shidnoslov'jans'kih mov: zb. nauk. prats' / redkol.: V. I. Goncharov (vidp. red.) ta in. – K.: Vidavnitstvo NPU im. M. P. Dragomanova, 2012. – vyp. 5. – S.74–79.
6. Maslova V. A. Lingvokul'turologija : Ucheb.posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. – M. : Izdatel'skij tsentr «Akademija», 2001. – 208 s.
7. Potebnja A. A. O nekotoryh simvolah v slavjanskoj narodnoj po`ezii / Slovo i mif v narodnoj kul'ture. – M., 1989. – S. 285–378.
8. Samusenko O. N. Mifopo`eticheskie istoki suggestii v russkih televizionnyh tekstah: diss. ...kand. filol. nauk: 10.02.02. – K., 2004. – 231 s.
9. Slavjanskije drevnosti : `Etnolingvisticheskij slovar' : V 5 t. / RAN. T. 2. D–K. – M., 1999. – 697 s.

10. Cherejko L. O., Dolinskij V. A. Imja SUD'BA kak ob"ekt kontseptual'nogo i assotsiativnogo analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologija. – 1996. – № 6. – S. 20–42.
11. Jung K. G. Arhetip i simbol: Per. s angl. – M.: Renessans, 1991. – 299 s.